

Г. Метельский

Сергей Мальцов

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г. Метельский**
Сергей Мальцов / Г. Метельский – М.: Книга по Требованию, 2013. – 224 с.

ISBN 978-5-458-09409-2

Г. Метельский

ISBN 978-5-458-09409-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

того человека, которого я представил себе после розысков и изучения тех, к сожалению, крайне скудных материалов о нем, которые удалось найти в печати более чем столетней давности, и по рассказам людей, ныне живущих в том краю, где прошли лучшие годы жизни самого Мальцова.

Это был человек, горячо любящий свою родину и много сделавший для того, чтобы она стала могучей промышленной державой. Заработанные трудами — своим и своих предков — миллионы он не прокутил, не потратил на женщин, не проиграл в карты, а использовал их на то, чтобы создать, а потом поистине с русским размахом развернуть гигантскую работу в своем промышленно-заводском округе, подобного которому не было в России.

Об этом повесть.

Глава первая

ЗНАКОМСТВО

В Орле была пересадка. Писатель Василий Иванович Немирович-Данченко сидел в зале первого класса, ожидая поезда в сторону Брянска. В Орле начиналась железная дорога на Брянск и дальше до Витебска, построенная бывшим крепостным мужиком, а к тому времени миллионером-промышленником Петром Ионовичем Губониным. С ним Немирович-Данченко был знаком (впрочем, с кем только не был знаком этот человек!). Его привлекали в Губонине широкая русская натура и крестьянская сметка — не бросать деньги на ветер и работать самому, не покладая рук.

Немирович-Данченко хотел написать о Губонине большой очерк и однажды сказал ему об этом, но Петр Ионович отмахнулся от лестного предложения.

— Вы лучше про моего конкурента Сергея Ивановича Мальцова напишите, — сказал он. — Про «мальцовскую республику», как называют его поместье. Мы с ним в меру своих силенок матушку-Россию полезной продукцией снабжаем. От иголки до паровоза.

Немирович-Данченко, конечно, слышал о «социалисте и маньяке» Мальцове, в прошлом блестящем кавалергарде, сменившем великосветскую жизнь в Петербурге на прозябание в деревне, в медвежьем углу небогатого, почти сплошь покрытого лесом Брянского уезда.

Каждый раз, возвращаясь домой после скитаний по Руси и заграницам, он вспоминал об «империи Мальцова» и намеревался поехать туда, но всякий раз откладывал затею, потому что набегали новые неотложные дела и поездки. Год войны с турками отодвинул от него посещение вотчины Мальцова, но сейчас он решил, что ждать больше нечего, наскоро собрался и поехал. Через два-три дня он наконец познакомится с этим, ставшим притчей во языцех, владельцем огромного состояния и огромного промышленно-заводского округа, пренебрежительно прозванного недоброжелателями «мальцовской республикой».

Дождаться поезда было скучно, и Немирович-Данченко, чтобы не тратить времени даром, стал дописывать свой святочный рассказ, начатый еще в Петербурге. Он вообще писал быстро и сразу набело, за что и получил немного насмешливое прозвище скорописателя. Случалось, придя в редакцию какого-либо журнала, он, чтобы не терять времени на ожидания нужного сотрудника, устраивался за свободным столом и с места в карьер начинал или продолжал писать раньше начатое. На вокзале в Орле он не отступил от этой привычки и, наверно, успел бы закончить рассказ, если бы не увидел, как в залу вошел толстенький, аккуратный господин, показавшийся ему знакомым. Тот тоже вроде бы узнал Немировича-Данченко и вопросительно уставился на него своими маленькими заплывшими глазками.

— Простите, что помешал... Если нет ошибки, то я вижу перед собой господина Немировича-Данченко? — сказал вошедший.

— Совершенно верно... А я, если не ошибаюсь, имею честь разговаривать с господином Бассоном.

— О, да! Я есть Бассон.— Он задумался.— Где же мы с вами имели встречу? Наверное, в Вольном экономическом обществе?

— В министерстве путей сообщения у графа Посьета,— уточнил Немирович-Данченко.

— Какой хороший память у вас! — воскликнул Бассон, улыбаясь.— Конечно, у министра. Я тогда имел маленькое неудовольствие хлопотать о нашей железной дороге... Вы куда, позвольте спросить, имеете ехать?

— Да в ваши же края. Хочу наконец-то поближе познакомиться с Сергеем Ивановичем.

— О! — Бассон поднял кверху пухлый палец.— Сергей Иванович есть большой человек.

— А вы куда? Домой или из дому?

— Домой. В гостях хорошо, а дома еще лучше,— сказал Бассон, шегольнув знанием русских пословиц.

Карл Иванович Бассон был одним из тех иностранных специалистов, которых Мальцов пригласил на работу. Родом Бассон был из Пруссии, работал на паровозостроительном заводе, правда, не очень успешно, и решил попытать счастья в России. Здесь он завел свое дело, занялся предпринимательством, искал руду в Орловской губернии, обанкротился и чуть было не попал в долговую яму. В это время его заметил Мальцов и предложил ему должность главного инженера на выпускавшем паровозы и вагоны Сергиево-Радицком заводе. Бассон с радостью согласился и с тех пор верой и правдой служил Мальцову.

Обо всем этом Немирович-Данченко узнал, сидя в зале первого класса орловского вокзала. Бассон оказался человеком словоохотливым и общительным. Немирович-Данченко спрятал тетрадь с недописанным рассказом и с интересом слушал, что ему рассказывал немецкий инженер о своей службе у Мальцова.

Незадолго до отъезда из Петербурга Немирович-Данченко получил гонорар за свою книгу о русско-турецкой войне, чувствовал себя богачом и взял билет первого класса. Расчетливый немец Бассон, вздохнув, последовал его примеру; ему не хотелось тратиться, но еще больше не хотелось терять интересного собеседника.

Они вышли из вокзала, как только дежурный по станции дробно постучал в колокол, извещая о том, что поезд отправился с соседней станции. Немирович-Данченко и Бассон медленно прохаживались по дебаркадеру, изредка поглядывая в ту сторону, откуда должен был показаться поезд. Вскоре послышался все усиливающийся гул подходящего к вокзалу состава. Густой черный дым валил из высокой конусообразной паровой трубы.

Бассон показал на паровоз.

— Его строили у нас, — сказал он. И пояснил: — Я имел честь строить этот паровоз на заводе Сергей Ивановича.

— Мне хотелось бы побывать на вашем заводе, — сказал Немирович-Данченко.

— О, я буду очень рад показать вам весь процесс.

Поезд, скрипя тормозами, остановился, и Немирович-Данченко вместе с Бассоном вошли в вагон желтого цвета. Он поражал богатым убранством — обилием дорогих зеркал, коврами на полу, отделкой потолков и дверей из цельного красно-коричневого палисандра.

— Я всегда езжу дешевым классом, — сказал Бассон, усаживаясь на мягкое сиденье.

— Да, роскоши многовато, — протянул Немирович-Данченко.

— За истраченные миллионы можно было построить больше дорог с узкой колеей, — продолжал Бассон. — Как у Сергей Ивановича.

В вагон первого класса так никто больше и не сел.

Поезд плавно тронулся с места и стал набирать ход. За станционными путями начались редкие перелески и черные поля, уже сбросившие с себя снежный покров. На высаженных вдоль полотна деревьях набухли почки и пахло весной.

В вагоне почти никого не было, и Немирович-Данченко разговорился с мальцовским инженером. Столичному писате-

лю хотелось как можно больше узнать о крае, куда он ехал, а еще более о человеке, который хозяйничал в нем.

— О Сергей Ивановиче рассказывать нет много пользы,— сказал Бассон.— Его надо видеть самому, какой он есть.

Немирович-Данченко весело хмыкнул:

— Того я к вам и еду...

...О Мальцове он слышался в Петербурге и не отправился бы сюда, если бы его не поразила неординарная фигура человека, жившего по каким-то своим, отличным от общероссийских законам. По слухам, это был своеобразный патриархальный островок посередине стремительно меняющейся, терявшей свой прежний облик России. Но что самое поразительное: патриархальный уклад в мальцовском царстве уживался с новшествами, позволившими этому царству выйти если не на первое, то на одно из ведущих мест во всей промышленной России. Желание узнать, как это произошло, и привлекло сюда Немировича-Данченко.

Он и его спутник сидели в удобных круглых креслах, обтянутых узорчатым бархатом. Узкие проемки между окнами занимали зеркала. Немирович-Данченко видел в них свое отражение: крупную голову с высоким лбом и пышной, расчесанной надвое бородой, бойкие глаза за стеклами пенсне.

— В нашей узкоколейке нет богатства, но есть большая польза,— заметил Бассон.— Скоро мы с вами поедem узкой колеей.

До нее надо было проехать версты три за Брянск до станции Радица Вагонная. Поезд медленно шел мимо растянувшегося, принадлежавшего Губонину огромного завода. За ним сразу начиналась вотчина Мальцова и находилась станция, носящая его имя — Мальцовская.

— Вот мы и дома,— сказал Бассон, с удовольствием покидая шикарный вагон.

На остановке никто с поезда больше не слез.

Немирович-Данченко огляделся и увидел стоявший поодаль и показавшийся ему игрушечным железнодорожный состав — шесть маленьких пассажирских вагончиков с таким же миниатюрным паровозиком во главе.

— Через час этим поездом вы будете ехать в нашу столицу Дятьково,— сказал Бассон.— Эти два часа прошу отдохнуть в нашем господском доме. Это совсем около нас, но мы туда поедem, чтобы вам показать, какой есть экипаж Сергей Ивановича.

В поле зрения не было видно никакой повозки, но после того, как Бассон громко крикнул: «Дежурка!», к платформе сразу же подкатил экипаж, запряженный парой добрых

породистых лошадей. Внешне он чем-то напоминал английский омнибус, в котором вместо жесткого кузова был легкий каркас с кожаным верхом и свешивающимися кожаными полотнищами. Вход был сзади.

— Изобретение Сергей Ивановича,— сказал Бассон, показывая на «омнибус». — Прошу обратить внимание на рессоры. Вы видели где-нибудь таких рессор? А?

Немирович-Данченко поискал взглядом металлические полосы под кузовом, не нашел и перевел взгляд на Бассона.

— Вместо металлический рессор Сергей Иванович придумал деревянные. Из дубовых брусьев. На плохих дорогах они не ломаются.

Деревянные рессоры Немирович-Данченко видел впервые: тонкие аккуратные брусья были сложены наподобие «колodца», как складывают для просушки наколотые дрова.

— Хм, да... — Немирович-Данченко усмехнулся. — По крайней мере, оригинально.

— О, да, такой рессор есть только у нас,— не без гордости заметил Бассон. — Колесам тоже не можно отвалиться во время езды. Они сделаны вместе с осью, как один целый комплект.

Жестом гостеприимного хозяина он пригласил Немировича-Данченко сесть в экипаж. Внутри было сумрачно, чисто и пахло кожей.

Снег уже сошел, только в чаще леса кое-где оставались островки его. Тихо бежал к недалекой отсюда реке Болве ручеек. Светило яркое апрельское солнце.

Молодой кучер в кафтане из серого сукна, точно такого, каким были обиты скамейки в экипаже, натянул вожжи, и кони ходко помчались по просохшей мощеной дороге.

— Что за порода лошадей? — поинтересовался Немирович-Данченко.

— Пока нет названия, — ответил Бассон. — Помесь верховой и крымской. Сергей Иванович их на свой завод разводит.

— У вас, оказывается, и свой конный завод есть?

— У Сергея Ивановича нет ничего, что было бы чужой. Все только свое.

Ехали недолго. Кучер осадил лошадей перед небольшим опрятным домом. Завидя остановившуюся у крыльца дежурку, из двери выбежал слуга, одетый в такую же, что и кучер, одежду.

— С приездом, Карл Иванович! — Слуга поклонился сначала Бассону, потом Немировичу-Данченко. — Милости просим.

— Вы видите наш господский дом, — пояснил Бассон гостю. — Он есть около каждого завода. Когда вы выходите

на Мальцовскую платформу, считайте, что вы приехали туда, где вас имеют ожидать.

В доме все сияло чистотой и было уютно. В каждой комнате, рассчитанной на одного жильца, стояла кровать с белоснежным бельем, письменный стол, кушетка — все, что надо приезжему человеку, чтобы он почувствовал себя в домашней обстановке. В таких домах останавливались купцы, приезжавшие за товаром, коммивояжеры, ходоки и просто люди, вроде Немировича-Данченко, пожелавшие узнать, что такое «мальцовская республика».

— Желаете закусить с дороги? — спросил слуга.

— Яволь, — ответил Бассон.

Он пригласил Немировича-Данченко в буфетную, откуда доносился аппетитный запах жареного мяса, где они и позавтракали.

— Можно мало отдохнуть, — сказал Бассон.

— Спасибо. Лучше немного погуляем, пока придет поезд.

Они вышли во двор, и Немирович-Данченко залюбовался открывшимся видом. К господскому дому почти вплотную подступал сосновый бор, за которым вдалеке виднелись круглые крыши большого завода. Немирович-Данченко хотел сразу отправиться туда, но Бассон сказал, что завод надо смотреть не торопясь и что он с удовольствием покажет его гостю в любой день.

— Сейчас хочу показать вам один интересный дом. Нет, не дом — изба, — сказал Бассон и повел гостя на берег широко разлившейся Болвы. Ледоход уже прошел, и по ней плыло лишь одинокое, рухнувшее где-то в верховьях голое дерево.

— Прошу посмотреть на этот изба, — предложил Бассон и показал рукой на бревенчатый домик-клетушку, прилепившийся на крутом берегу реки. — Можем зайти в середину.

Изба, очевидно, давно пустовала. В ней была одна комната с русской печью, деревянным топчаном, покрытым уже знакомым Немировичу-Данченко серым сукном, две табуретки да полка для посуды на стене.

— В этом домике Сергей Иванович жил, пока строили завод, на котором я имею честь работать, — сказал Бассон. — Сергей Иванович был как самый простой рабочий, все делал сам, чтобы дать пример. Лес рубил. Кирпич клал. Станки ставил.

«Вот тебе и миллионер», — подумал Немирович-Данченко и обрадовался, что не зря приехал в эту брянскую глухомань. Будет о ком и о чем написать.

— Теперь, когда Сергей Иванович к нам приезжает, всегда в этой избе останавливается... С Настенькой, — добавил он, помолчав.

— С Настенькой? Кто это?

— Вроде служанки у Сергей Ивановича. Ухаживает за ним. Хорошая женщина.

Это заинтересовало Немировича-Данченко: что за женщина? По журналистской привычке он старался не оставлять недомолвок.

— Где же она живет, когда приезжает к Сергею Ивановичу?

— В этой избе. Где еще? — Бассон скосил глаза на широкий топчан, после чего Немирович-Данченко решил, что дальше на эту тему распространяться не стоит.

— Вы ее будете увидеть дома у Сергей Ивановича, — сказал Бассон. — Очень красивая она была молодая...

Узкая лестница вела на чердак. Бассон повел туда гостя, чтобы с нависшего над обрывом балкончика показать на видневшийся вдаль Брянск. Он стоял на возвышенном берегу Десны, сияя куполами древних церквей. Несколько каменных строений выделялись на фоне деревянных одноэтажных домов и домиков, карабкавшихся по взгоркам. Внизу у пристани стояли несколько судов, а по Десне медленно плыли к Днепру первые плоты.

Все пространство вокруг, докуда видел глаз, было покрыто лесами, то зелеными, хвойными, то лиственными, с набухшими почками и от этого казавшимися салатного цвета. То тут, то там виднелись золотистые пятна зимних дубов, еще не сбросивших прошлогоднюю листву.

...Наконец пришло время отправляться на станцию. Прозвучал низкий заводской гудок, отразившийся от подступившего к заводу леса. Оттуда по дороге и тропинкам повалил рабочий люд, все как один в типовой форме из серого сукна. Бассон сказал, что такую же одежду носят здесь все мужчины, включая самого Мальцова. На работу женщины обязаны являться только в сарафанах. В праздники народ выбирает себе одежду по вкусу и средствам.

В толпе рабочих мелькнула фигура тощего юркого человека с морщинистым лицом. Он тоже был в мальцовой форме, украшенной вязаной шапочкой на шарообразной и, судя по дужке седых волос на затылке, лысой голове. Заметив главного инженера, человечек радостно вскрикнул и бросился навстречу.

— Приветствую вас, господин Бассон! — воскликнул он, мешая французские и русские слова. — С приездом! Мы вас давно ждем.

— Здравствуйте, Бланшир!.. Позвольте представить вам нашего гостя писателя Немировича-Данченко, — сказал Бас-

сон, перейдя на французский.— А это — месье Бланшир, инженер нашего завода... Все отгрузили? — спросил он с ходу у Бланшира.

— Вчера ушли на Десну последние барки. Поэтому у нас сейчас тихо. А на других заводах аврал.

— Срочно подвозят товары к пристани,— пояснил гостю Бассон.— Обычно это делают зимой, но в этом году заказы поступили с опозданием, поэтому приходится наверстывать упущенное.

— Где же я теперь найду Сергея Ивановича? — спросил Немирович-Данченко.

— Это может знать только один Господь Бог... И еще телеграфисты. Попробуем спросить у них.

Рядом с платформой стоял небольшой одноэтажный дом с соломенной крышей, большими окнами и дверью под навесом. Это была первая железнодорожная станция на двухсотверстной узкоколейной железной дороге.

В комнате, куда зашли Бассон и Немирович-Данченко, работали два стриженных подростка. Выглядели они очень серьезно и были полностью поглощены своим делом. Бассон не мешал им, ожидая, пока они не закончат принимать депешу.

— Очень трудолюбивые и смысленные люди,— шепнул он, показывая взглядом на телеграфистов.

— По сколько же лет этим людям? — спросил Немирович-Данченко.

— По двенадцать, наверное... У нас все телеграфисты имеют такой возраст.

— Мальчишки!.. Как же они справляются с работой?

— Зер гут! Лучше, чем взрослые.

Немирович-Данченко вынул из кармана записную книжку и что-то черкнул в ней.

Наконец депешу приняли, и один из телеграфистов побежал отнести ее по назначению, а другой вопросительно посмотрел на Бассона.

— Его превосходительство с утра были в Любохне,— ответил телеграфист.

— А теперь?

— Не могу знать, господин Бассон.

— Скорее всего мы его поймем где-либо на трассе,— сказал Бассон, обращаясь к Немировичу-Данченко.— Я провожу вас.

Бассон жил возле завода, занимая половину особняка. Семьи у него не было, и никто его не ждал дома. Встреча с Немировичем-Данченко внесла в его однообразную жизнь свежую струю. На заводе работа была налажена, шла своим

чередом, и он мог со спокойной совестью поехать вместе с гостем, тем более, что Бассону надо было встретиться с Мальцовым, чтобы доложить о своей поездке в приднепровские города, где находились мальцовские конторы сбыта.

Они зашли в зал ожидания — опрятное помещение с портретом государя на стене и буфетом, где пассажиры могли закусить и попить чаю из кипящего самовара.

— Кто захочет, может переночевать в соседней комнате, — сказал Бассон. — Там всегда есть чистая постель.

Они вернулись на платформу. Поворачивала в лес и там терялась в гуще деревьев узенькая стальная колея с щедушными на вид рельсами. Паровозик тоже был до смешного мал, без привычного тендера. Вода хранилась сбоку котла; в двух ящиках, за решетчатой оградкой лежали наколотые дрова.

Бассон подвел гостя к паровозу. В будке работал подросток лет пятнадцати на вид. Он забросил в топку несколько поленьев и высунулся из окошка будки.

— У вас и тут мальчики работают? — спросил Немирович-Данченко, показывая на машиниста.

— У Сергея Ивановича не работают только дети моложе восьми лет, — ответил Бассон.

— Но это же ужасно! — воскликнул Немирович-Данченко. — Сколько уже поломано копий в борьбе за то, чтобы поставить вне закона детский труд. А здесь...

В ответ Бассон лишь тяжело вздохнул и перевел разговор на другое.

— Это ты нас повезешь? — спросил Немирович-Данченко у машиниста.

— Я... А что?

— Не бойшься людей возить?

— А чего бояться? Я уже скоро год работаю машинистом. Так что не извольте беспокоиться. Домчим мигом.

Бассон улыбнулся.

— Скорость нашего поезда, — сказал он, — двенадцать верст в час. Зато за три года работы на нашей дороге не было ни одного крушения.

— Ну, дай-то Бог... Вашим паровозикам стоило бы присвоить собственные имена, как это было на Царскосельской железной дороге.

— Сергей Иванович только первым своим пароходам названия дал. «Капитолина» — в честь своей матушки, «Николай» — в честь младшего сына и «Анастасия» — в честь жены.

Разговаривали по-немецки, и Бассону стало легче подбирать слова, чтобы выразить свою мысль.